

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
КЫРГЫЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им.И. РАЗЗАКОВА
КАФЕДРА «ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ»**

**ТРАДИЦИОННЫЙ СЮЖЕТ ПЕРВОЙ ЧАСТИ ТРИЛОГИИ
ЭПОСА «МАНАС» - «МАНАС»**

Методическое указание для студентов всех специальностей.

БИШКЕК -2012

«Рассмотрено»

на заседании кафедры

философии и социальных наук

Протокол №__ от _____ 2012 г.

«Одобрено»

Методическим советом

Энергетического факультета

Протокол №__ от _____ 2012г.

Составитель преп. МАМЫТОВА Г.Н.

Прозаический перевод первой части трилогии эпоса «Манас». Методическое указание для студентов всех специальностей / КГТУ им. И. Раззакова; сост. Мамытова Г.Н.- Б.: ИЦ «Техник», 2012.

Методическое указание разработано в соответствии с требованиями государственного образовательного стандарта Министерства образования и науки Кыргызской Республики. В работе включены пять крупных эпизодов первой части трилогии эпоса «Манас» - «Манас», предоставлены вопросы по сюжету и список литературы.

Рецензент к. филол. наук, доцент Бакчиев Т.А.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Устное поэтическое творчество киргизов отличает их от соседних родственных народов Средней Азии. Еще академик В.В. Радлов отмечал, что такое полнейшее господства эпоса он встретил только у двух народов тюркского происхождения – киргизов и хакасов. Безусловную культурную и историческую значимость устного поэтического творчества киргизов признавал С.М. Абрамзон: «Крупную роль в культуре киргизов играло устное народное поэтическое творчество. В нем в многогранной и яркой форме отображены своеобразные исторические судьбы народа, его самобытная древняя культура, трудовая жизнь, надежды и чаяния, поэтическое восприятие природы». Яркой жемчужиной эпического наследия киргизов, безусловно, является народный эпос «Манас». Эпос состоит почти из полумиллиона стихотворных строк и превосходит по объему все известные миру эпосы.

В этой связи актуально будет привести мнение известного киргизского филолога Б.М. Юнусалиева: «При отсутствии фиксируемой истории и неразвитости письменной литературы в эпосе как популярном народном произведении нашла отражение не только многовековая история, но и разносторонняя дореволюционная жизнь киргизского народа, его этнический состав, хозяйство, быт, обычаи, нравы, эстетические вкусы, этические нормы, его суждения о человеческих достоинствах и пороках, представления об окружающей природе, религиозные предрассудки, поэтика и язык»

В настоящее время исследователям известен не один десяток вариантов и списков кыргызского эпоса "Манас". Наиболее известными являются варианты сказителей-манасчы – Сагымбая Орозбакова и Саякбая Каралаева.

Цель данной работы: ознакомить студентов, как можно глубже с кратким вариантом традиционного сюжета первой части трилогии эпоса «Манас» - «Манас».

ПРОЗАИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД ПЕРВОЙ ЧАСТИ ТРИЛОГИИ ЭПОСА «МАНАС»

1.Рождение и детство Манаса

2.Провозглашение Манаса ханом

3. Переселение Манаса с Алтая

4. Женитьба Манаса на Каныкей

5. Поминки по Кёкётею

1.Рождение и детство Манаса

В глубокой древности, в Туркестанской земле жили Каракан и Огузкан. После них из рода Аланчакана были Байгур и Уйгур. Потомки Уйгура расселились в местностях Кашгар, Яркенд, Хотан, Кинетурфан, Учтурфан, Аксуу и Кучер и стали их называть уйгурами. Племена, происшедшие от Байгура, распространились на Андижан, Нарын, Ысык-Кель, Чу, Лепси, Иртыш, Сары-арка, Джунгар и на другие земли до самых Уральских гор. Потомком Байгура был Тюбей. От Тюбея родился Кёгёй, у Кёгёя было три сына Ногой, Шыгай, и Чыйыр. Из них у Ногоя, у которого богатства были подобны наполненному до краев озеру, было четыре сына: Орозду, Усен, Бай и Джакып. Китайцы подчинили своей власти сыновей Ногоя и рассеяли их по разным частям света. Младшего Джакыпа изгнали на далекий Алтай. В то время умер брат Ногоя Чыйыр, и Джакып взял себе в жены его вдову, именуемую Шакан. Она забыла свое прежнее имя и стала называться в память Чыйыра Чыйырды. И еще Джакып женился на Бакдөөлёт, дочери Чайна сына Бёёна - из монгольского рода. Росли у Джакыпа связи, множились его стада. Разбогател он на Алтае. Конские табуны его достигали сорока тысяч голов. А другого рода скот даже и пересчитать было трудно. Дожил так Джакып до сорока восьми весен, славен и богат стал его изгнанный род, но большая забота омрачала его: старость была уже на пороге, а богатые юрты Джакыпа не веселили звонкие детские голоса. Не было у него детей. Однажды объезжал он свои стада, что привольно паслись на широких просторах, и горькие думы овладели им: - Сам я богат безмерно, года мои подошли к сорока восьми. Неужели же до старости не увидят мои глаза ребенка? Кто станет хозяином моих стад, когда я умру? Для кого берегу я все это богатство, день и ночь утруждая себя заботам. Думая так, не мог Джакып сдержать слез и поехал в сторону аила, потому что уже наступал вечер. Неподалеку от дома на пути повстречался ему Мендибай - подросток лет одиннадцати, и увидев слезы Джакыпа, спросил его: - Отчего ты плачешь, абаке? Какое горе тебя тревожит? Ничего не ответил ему Джакып и поехал дальше, а у юрты своей бросился с плачем наземь, даже коня своего не привязав. - Отчего ты плачешь, Джакып? Какое горе тебя постигло? - встревожилась старая Чыйырды. - Нет у меня детей, горько мне, а старость близка, - ответил он ей. Расплакалась тогда и Чыйырды - ведь ей тоже тяжело и печально было. В ту ночь Джакып, его байбиче Чыйырды, и токол (вторая жена) Бакдөөлёт увидели вещие сны. Приснилось Джакыпу, что привязал он к насесту хищного Буудайык, сказочную птицу, а рядом белого кречета с пестрой шеей. И вдруг все пернатые неба, распластав свои крылья, начали слетаться к кречету и склоняться перед ним. Лучше всех пернатых существ был этот горделивый белый кречет, что сидел на насесте.

Иной сон видела Чыйырды. Ей снилось, что некий безбородый старец протянул ей яблоко, крупное, как чаша для сорпо (бульон). Съела его Чыйырды и так располнела, что не могла ни стоять, ни сидеть. И родила она аджидара (дракон) в шестьдесят обхватов величиной. Не успело страшное чудовище выйти на свет белый, как раскрыло оно свою грозную пасть и проглотило сразу весь мир. Приснился сон и токол Бакдөөлёт, будто в ее

юрте к насесту были привязаны две чудесные птицы. Вещими были все эти сны, смутили и обрадовали они Джакыпа. А матери мальчика Мендибая, старой Канымджан, эта ночь принесла тревогу. Ее сын не вернулся домой. Под утро пришла она к Джакыпу и сказала: - Зачем ты бросил коня без привязи на соблазн ребенку? Мой Мендибай погнался за ним и пропал. Горе мне, старой! У тебя нет детей, вот ты и не знаешь цены ребенку. Мое дитя пропало из-за тебя, теперь найди мне его, - причитала она без умолку. Обеспокоился Джакып, услышав это, и отправился разыскивать пропавшего мальчика. Объездил он кругом все айлы, осмотрел все пастбища и печальным возвращался уже домой ни с чем, как вдруг на опушке леса, близ Акутек, увидел своего пропавшего коня Туучунака, покрытого шкурой белого тигра. Подъехал Джакып к коню, думая увидеть мальчика, но Мендибая нигде не было видно. Неужели растерзал его тигр, шкурой которого покрыт мой конь? - подумал он. Видно потом уже убили его охотники и набросили на коня эту шкуру. О, я несчастный! Не хватало того, что сам я не имею детей, так из-за меня еще погиб чужой ребенок. Чем смогу я теперь отплатить старой Канымджан за смерть ее сына? И вдруг, в то время, когда в тревоге стоял он так, не зная, что делать, из темного леса, с громким смехом, выскочил Мендибай и подбежал к удивленному Джакыпу. Он рассказал ему, как в погоне за Туучунаком выбежал он в открытое поле и там увидел, как сорок мальчиков, похожих друг на друга, появились неизвестно откуда и погнались за конем. Мендибай побежал за ними в этот самый темный лес. Там играли и резвились они до тех пор, пока не начался рассвет; тогда чудесные мальчики убили грозного тифа и накрыли шкурой его коня, а один из них, самый сильный, сказал Мендибаю: - Я сын Джакыпа. Я скоро приду. До тех пор пусть мой отец не тревожится и ждет спокойно. После этого начался рассвет, и мальчики исчезли, - так закончил свой рассказ Мендибай. Услыхал это, Джакып быстро вернулся домой и рассказал своим женам обо всем, что слышал. Потом заколол он много голов скота, пригласил к себе почтенных людей из киргизов, казахов, нойгутов и калмыков и устроил торжественный пир. На пиру совершил Джакып жертвоприношение и приказал мудрецам растолковать ему вещие сны. Один из приглашенных - Байджигит, прозванный «красноречивым», вызвался объяснить сны и сказал: - У тебя родится сын, Джакып. И будет он батыром непомерной силы. Подчинит он себе все земли, что освещает луна, и станет владыкой всех стран, что озаряются солнцем.

Услыхав это, на радостях угостил Джакып на славу всех, кто приехал к нему на пир, и особенно тех, кто помог ему растолковать сны. По прошествии двух лет, в самом начале третьего года, Чыйырды зачала ребенка. И вот, однажды, захотелось ей съесть сердце черного тигра, и томилась она этим желанием до тех пор, пока Карамерген калмыкский охотник не принес ей убитого тигра, и она съела его сердце и тем успокоила свое желание. Когда же друг за другом протекли девять месяцев и девять дней, начались у Чыйырды родовые схватки. И доились они целых девять дней и девять ночей. Джакып в это время приготовил у коновязи сорок отборных скакунов и три аргамака доя гонцов с радостной вестью и наполнил золотом и серебром сумки из войлока, чтобы раздавать всем, кто приедет поздравить его в радостный час. А сам сел на коня и ускакал далеко в степь в ожидании гонцов с счастливой вестью. Всякий раз, когда ребенок поворачивался внутри Чыйырды, от силы толчков окружающие ее женщины падали навзничь. Первый крик ребенка при рождении прозвучал как боевой клич тридцатилетнего батыра. В обеих руках своих он крепко зажал сгусток запекшейся крови. При первом кормлении мальчик съел три бурдюка масла. А когда он стал расправлять свои ручки и ножки, то у нескольких женщин не хватало сил, чтобы его спеленать. Чыйырды решила покормить его грудью. В первый раз вышло молоко. Во второй раз пошла красная кровь, и чуть не умерла Чыйырды от боли. В это время джигиты, оседлав статных коней, поскакали известить Джакыпа о рождении сына. Все спешили приветствовать счастливого отца. Даже старика Акбалту ворчливая жена заставила сесть на серую клячу и поехать вслед за вестниками. Обогнув невысокий холм, он увидел, как Джакып возится около черногривой

кобылы и обтирает мордочку новорожденного буланого жеребенка. Джакып назвал жеребенка Аккула. Этот скакун стал впоследствии любимым конем Манаса и сопровождал его во всех походах. По случаю рождения сына Джакып на радостях роздал много скота, серебра и золота. Вернувшись домой, он взял на руки долгожданного сына, и переполнилась счастьем душа его так, что зарыдал он громко. Все тело Джакыпа сотрясало от плача и движений ребенка, так он был силен. Посмотрел Джакып на своего сына и узнал в нем свою породу. Три месяца тридцать всадников на отборных конях объезжали айлы, приглашая гостей на той. В разные стороны скакали они: на запад - в горы Урала, на юг - в горы Тибета, в города Самарканд и Кашгар, в славный Ташкент, на восток - в страну китайцев. И просил Джакып своих гостей приводить с собой скакунов, что быстрее ветра, борцов, что отважнее львов, комузистов и сладкоголосых певцов, потому что задумал он устроить во время тоя состязания всех родов. Из китайской древней страны прибыло на пир сорок тысяч батыров. Даже самый искусный в счете не сумел бы пересчитать сколько тысяч баранов, коров, кобыл приказал зарезать Джакып для этого тоя. Семь тысяч киргизских семей, от младенца до старца, дни и ночи, не смыкая глаз, готовили мясо гостям. Долго тянулся пир и пока гости угощались, происходили состязания искусников всех родов: самые мудрые вели умные речи, самые сильные боролись, самые ловкие всадники скакали в байге (приз). Победителями в борьбе вышли монгольские балбаны (богатыри) Карасман и Чокон и казахские - Калдар и Тугельбай. Из-за ссоры китайцев и монголов с киргизами и казахами игры были приостановлены на два дня, но на третий день начались снова. Устроили байгу, назначив призы тридцати скакунам - победителям. Первый приз составляли пятьсот одногорбых белоснежных верблюдов, пятьсот коней, тысячу баранов и два одногорбых верблюда, груженных доверху золотом. Когда переиграны были все игры и закончился пир, двинулись китайцы и монголы в обратный путь. А Джакып завернул сына в полу своего халата и отправился с ним к киргизским, казахским и нойгутским старейшинам, прося их дать счастливое имя его долгожданному первенцу. Собрались старейшины и мудрецы и долго думали, как же назвать младенца? Но никто не мог подобрать подходящего имени. Тогда появился оборванный дувана и держал перед мудрецами такую речь: - Разрешите мне назвать имя сыну Джакыпа. Понравилось старцам имя Манас, вознесли они богу молитвы за удачное имя и назвали младенца так. А когда Джакып обернулся, чтобы отблагодарить дувану, никого уже на том месте не было - исчез он так же мгновенно, как и появился.

В семь-восемь лет был Манас непоседлив и буен и делал только то, что ему вздумается. Если кто рассердит его, он вступал с ним тотчас же в драку, будь то ровня ему мальчик, или мощный баатыр. Никому не давал спуска. И какое бы желание ему не приходило в голову - он исполнял его. Избалован ласками был Манас, и ничего не могли с ним поделать ни мать, ни отец. Горевали Чыйырды и Джакып, что сын их вырастает таким непутевым. И решили они наконец: - Избалованным растет Манас. Испортили мы его. Пусть он испробует холод, пусть испытает голод. Нужно отдать его в подпаски. Пусть почувствует и оценит то, что имел. Так они порешили и скоро так и сделали. Джакып ответил Манаса к пастуху Ошпуру, что жил на расстоянии целого дня пути от айла Джакыпа, и сказал ему: - Будет Манас пасти твоих овец. Если станет в чем перечить тебе, бей его, не жалея. А Манасу Джакып не сказал, что Ошпур - пастух. Он уверил его, что Ошпур - бай и живет здесь при стадах по своей прихоти. Такая уж странная мысль, мол, забрела в голову богачу от безделья! И случилось то, чего никто не ожидал: стал Манас терпеливо пасти ягнят; ухаживал за слабыми, приглядывал за сильными. А была этому важная причина: глубоко обижали Манаса сетования его родителей. И хотелось ему показать им, что вовсе он не бездельник, что и он способен на что-то. Он мечтал получить в награду за усердную службу откормленного барана и угостить им своих родителей. В эту осень Манасу минуло девять лет. Но недолго Манас был послушным Ошпуру. Появилось у него много друзей - пастушат. Начал он для них закалывать ягнят и вызвал этим гнев Ошпура. Но это не остановило Манаса, и он продолжал резать овец. А вскоре и

совсем стал буйным, как прежде, начал избивать своих сверстников - пастушат и делать все, что ему вздумается. Однажды он встретил старика - калмыка и попросил у него огниво. Старик отказал ему. Тогда Манас стащил его с лошади, избил и отнял огниво и пояс. Видя буйный нрав Манаса, Ошпур рассудил про себя: «Если не оставит Манас своих проделок, то я совсем лишусь скота». И отправился пастух на утро к Джакыпу: - Забери ты, Джакып, своего Манаса обратно. Разорит он меня до тла, и грех за мою гибель падет на твою голову. Приехал Джакып с Ошпуром и призвал к себе Манаса: - Разве не понимаешь ты, как опасно нам, чужеземцам, обижать калмыков на их собственной земле? - так бранил он сына. Но Манас не смутился нисколько: - Никогда не стану спускать я обиды калмыкам из-за страха перед ними. После этого Джакып и Манас, сев на коней, пустились в обратный путь. И увидели они по дороге, что девять калмыков напали на конский табун Джакыпа, разбили голову табунщику Ыйману и угнали его коней. Когда Манас и Джакып приблизились, то калмыки окружили их и хотели схватить. Тогда Манас, вооружившись укуруком (лассо), одним ударом уложил предводителя калмыков, а восемь остальных стащил с коней и сбросил на землю. Калмыки бежали, пришпорив коней, а Манас собрался за ними в погоню. Сильно испугался этого Джакып и стал образумливать расходившегося сына.

- Дитя мое, Манас! Зачем ты обидел калмыка, зачем ты притронулся к голову спящей змеи? Вспомни, на чьей земле, в каком краю мы живем! Четыре сына Ногоя рассеяны по разным странам света и не могут соединить свои бесприютные головы. Давно, во времена Ногоя, мы были господами над калмыками. Но после смерти Ногоя китайский властитель Эсенкан, собрав пятьдесят тысяч войск, двинулся против нас. Он победил кыргызов, потопил все земли наши в крови и рассеял потомство Ногоя по всему свету. Китайские воеводы сказали: "Опасно, если четыре сына Ногоя соединят свои головы в одном месте". И, решив так, изгнали они четырех братьев в четыре разные стороны. Орозду был менее всего опасен, его оставили на Алае со всем потомством. Буйного Усена, прозванного Кёзкаманом, что значит "Свиной глаз", которому горячили кровь его двадцать четыре года, отправили в восточную Сибирь; Бая сослали в область Кашгара, а меня отправили на далекий Алтай. Вот в эту-то тяжелую годину мы прибыли на чужую землю, и нам нельзя возбуждать против себя гнев калмыков и китайцев, - так, причитая, пытался Джакып усмирить ярый гнев Манаса. Но не послушался Манас наставлений отца и поскакал вслед за калмыками, и вместе с табунщиком Ыйманом загнал свои табуны в калмыцкую ограду.

Джакып в нерешительности и страхе возвратился домой в аил. Он боялся за судьбу своего сына, и тревога съедала его. Приехав домой, он рассказал своим женам все, что случилось. Света не видела старая Чыйырды. Как раненый кекилик стала она трепыхаться, и в голос начала причитать: "Ах ты, лукавый старик, лукавый старик! Провались ты сквозь землю со своим скотом и богатством! Единственного, как солнце вверху, сына своего зачем бросил ты в степи и вернулся один? Разве не мог ты погибнуть вместе с ним? Да кому же ты нужен теперь? Если же тебе душа твоя так дорога, то я сама вместо тебя отправлюсь на поиски!" - и сказав так, вскочила она на коня и ускакала в степь. Калмыки тем временем сговорились собрать войско, напасть невзначай на аил Джакыпа и отбить его скот и стада. Самого Джакыпа порешили они убить. Но узнал Джакып об этом сговоре. Сообщил ему эти темные замыслы калмык Сарбан, младший брат Саламата. Тогда разослал Джакып быстрых всадников по аилам казахов, нойгутов, киргизов, и сообщили они по всем аилам, что замыслили злое дело калмыки. В это время Чыйырды, старая мать Манаса, проливая горькие слезы, верхом на коне, носилась по степи. Скакала она туда и сюда, забывая обо всем, в поисках Манаса, и наконец нашла его. А он в это время говорил табунщику: - Если прискачут калмыки, чтобы угнать лошадей, ты не вступайся защищать их. Береги себя и своих друзей. И сказав так, уехал он в свой аил вместе с матерью. Поутру калмыки отправились в степь искать трупы шести убитых сородичей и встретили Манаса, спокойно возвращавшегося домой со старой

матерью. Подъехали они к нему незаметно сзади и хотели его схватить, но Манас быстро обернулся и убил одного из них. Тогда остальные калмыки ускакали к себе, затаив в глубине души обиду. Потом собрали они войска и двинулись в путь на разгром аила Джакыпа и угнали табун его лошадей. В это время между калмыками и племенем манчжу произошел раздор. Воевода из племени манчжу Деген обратился к калмыкам с такими словами: - Не ваша добыча - богатства Джакыпа. Разве хан разрешил вам трогать его? Если кто и вправе разгромить Джакыпов аил, то это мы, племя манчжу. Поэтому зря не утруждайте ваших коней. Пока между ними шла ссора, успели прибыть к Джакыпу на быстроногих конях многие всадники из киргизских, казахских, нойгутских аилов. Ведь не зря извещал он их. К Джакыпу подъехал один из калмыков - подросток Шакум и сказал ему тихо: - Ты убил отца моего во вчерашнем бою. Но я не потребую кун. У отца моего двести пятьдесят калмыцких юрт. Остальные калмыки затаили злобу на наш аил и хотят нас разграбить так же, как и вас. Поэтому нам не следует враждовать. Вместе мы станем сильнее против общего врага. Согласился с этими мудрыми словами Джакып и назвал этих калмыков своими родичами, выплатил кун за убийство и одарил их богатыми дарами. А Манас тем временем не мог ждать спокойно. Он собрал всех своих сверстников из окрестных аилов и они стали с тех пор его верной дружиной - его сорок чоро (сподвижники). Вместе с ними совершил он против калмыков набег и уничтожил четыре сотни калмыцких всадников с Домобил - батыром во главе.

После этого сказал Манас: - Пришло время, когда кобылицы жеребятся. Поеду я взгляну на них. И решив так, сел на коня Айбанбоза и направился к табунам. Там собрал он всех пастушат и зарезав яловую кобылицу, затеял игру в тогуз коргоол. Пастушат было тридцать два человека. Разделившись на две партии, они стали играть в ордо, есть, пить и веселиться. А в Бейджине меж тем китайский властитель Эсенкан говорил своим приближенным: - Что это за мальчишка Манас появился? Не станет ли он для нас опасным? Снаряжу-ка я караван будто для торговли, пошлю-ка я ловких людей разузнать об этом Манасе. Решив так, снарядил он караван из сорока пяти верблюдов, груженых шелками различных сортов. Веди тех верблюдов шесть ловких китайцев, десять проворных калмыков и несколько покоренных уйгуров. Долго шел караван и прибыл, наконец, на берег реки Азамиль в ту долину, где Манас веселился, забавляясь играми. И вот, во время игры вышел Манас на середину круга и стал вышибать чуке (альчики) из-за черты. От удара его так сильно отскочил томпой, что переломил ногу одному из верблюдов приближающегося каравана. - Как ты смел перебить ногу верблюду, разве не видишь, что мы посланцы великого Эсенкана? - с такими словами бросились к Манасу караванщики и хотели его связать. Но Манас схватил их главаря, предводителя каравана, и сразмаху свернул ему шею. А затем перебил и остальных. Достались Манасу сорок пять верблюдов, груженных золотом, серебром и изумрудами. Разделил это богатство Манас между всеми в краю своем, не забыв никого. У Орозду, старшего брата Джакыпа, было десять сыновей. Более буйных людей, чем они, вряд ли можно было встретить на свете. Они постоянно бранились между собой. Однажды сыновья Орозду, повздорив по пустякам, долго друг с другом спорили. А потом, как всегда, бывало, перенесли свой гнев на Бакая и Тайлака - сыновей Бая, брата Орозду. Сыновья Орозду постоянно обижали сыновей Бая, не давали им хороших коней, не давали им возможности прилично одеться. Не стерпело сердце старого Бая стольких обид, и он сказал своим сыновьям: - Не будем больше терпеть их притеснений. Откочем к брату Джакыпу. Бесчисленны его откормленные стада, и славен сын его - юный Манас. Джакып живет на Алтае. Я отправлюсь туда, и все разузнаю. Поищу того, что будет хорошо для нас. С этими словами Бай отправился в путь на поиски Джакыпа. Не удержали его и преклонные годы. Долго ехал он и вдруг повстречал на дороге шесть тысяч работников с кетменями, которые копали арык по приказу китайского великана Нескары. Увидел Нескара одинокого старика, набросился на него, заколол его лошадь, а самому приказал рыть арык. Согнулся Бай над кетменем, но недолго мог он работать: годы тяжелым грузом давили ему на

плечи. Когда увидел Нескара, что слабеет старик, рассердился он на него и приказал закопать его в землю живым. В это время явились к Нескаре шесть шайтанов и молвили:- У киргизов на Алтае есть бай по имени Джакып. Опасен для всех его сын, батыр Манас. Если ты не разгромишь его, плохо будет тебе потом. Услышав это, Нескара быстро собрал шеститысячное войско и двинулся на Алтай воевать с киргизами. Джакып, сидя в ожидании своих табунов, что издали своим топотом сотрясали землю, заметил вдруг огромную рать, кишашую как муравейник. Испугался Джакып, свернул с дороги в сторону и спрятался, пока не проехало войско. А потом заметил одинокого всадника, который скакал вслед за войском. Будь, что будет, - решил Джакып, - выйду-ка я на дорогу и спрошу всадника, что это за войско и куда направляется? Оказалось, что этот всадник, у которого от долгого пути был замучен конь и изорвана одежда, был его брат Бай, бежавший от грозного Нескары. Узнав друг друга, расплакались оба брата от радости. Но нужно было спешить. Бай рассказал Джакыпу, что идет на него Нескара-великан, чтобы рассеять роды киргизов. Тогда Джакып быстро оповестил весь аил о надвигающейся грозе, собрал войско и приготовился встретить врага. Меж тем Нескара, сбившись с пути, принял калмыцкого правителя Джайсанбая за киргиза и разгромил его кочевье. Угнал табуны скота, забрал в плен девушек и женщин и двинулся было назад, но на обратном пути Манас преградил ему дорогу. В это время один чудесный старик, владевший тайной наговора и ворожбы, пришел к Манасу и оказал ему большую услугу. Искусным наговором он угнал шайтанов, главных помощников Нескары, на далекое расстояние, откуда нельзя было вернуться раньше, чем через сорок дней. Завязался отчаянный бой, Манас чуть не убил Нескару, но великан успел спастись бегством. Все же часть огромного войска Нескары была уничтожена. Страшной была битва: летели головы и отрубленные руки, падали мертвые тела. В этом бою от руки Нескары - великана пал могучий Кунес - батыр, брат Кель-дюджайсана. И назвали эти места, где была кровавая битва, по имени батыра Кулес. Из шести тысяч войск Нескары, кроме погибших во время боя, семьдесят человек сам Манас убил за то, что они обижали пленных девушек и женщин. Остальных он пощадил, и они покорились ему. Было Манасу тогда четырнадцать лет. Однажды он вместе со своими сверстниками тешился пирами и охотой в местности Уч-Арал у реки Эмиль. Посылали джигиты на зверя собак, спускали ловчих птиц и вдруг увидели на дороге несколько человек: одни сидели верхом на стройных аргамаках, других несли на себе кривоногие мулы. Остановились эти люди у реки и совершили омовение рук и ног. Затем стали все рядом, повернулись лицом на запад и вознесли молитвы. Очень удивился Манас:- Что это за люди такие? Для чего повернулись они лицом на запад? Почему они шепчут что-то, припадая к земле, и снова встают? Изумленный, он подошел ближе, чтобы расспросить приехавших. Старшим из них был Ай-Коджо, узнал он Манаса и сказал ему:- Мы идем из страны арабов, из города под названием Мекка. Мне уже исполнилось пятьсот пятьдесят лет. И все это время я скитался, чтобы встретить тебя и вручить тебе залог пророка Мухаммеда: ты должен отречься от своей ложной веры и перейти в веру ислама. Рассказал он Манасу многое из наставлений пророка и его сподвижников. Потом он приказал ему открыть рот и плюнул туда. Раскрылись тогда глаза Манаса и увидел он ад и страшные муки грешников. Перед рассветом Ай-Коджо набросил на лицо Манаса чудодейственное покрывало, и после этого Манас в течение семи дней созерцал райские просторы. Ай-Коджо брызнул водой в лицо Манаса, снял покрывало и сделал Манаса мусульманином. Он вручил ему ружье аккельте (ружья Манас) и меч албарс и удалился. Долгая отлучка Манаса встревожила старого Джакыпа, и он отправился искать сына. На пути к нему приблизились одиннадцать посланцев китайского хана, и, не зная кто он, спросили, где кочует аил Манаса. Мы прибыли сюда из Китая для того, чтобы схватить Манаса, - объяснили они. Джакып показал им в противоположную сторону, а сам с тревогой в сердце прискакал в свой аил и сказал своему старшему брату Баю:- У одиннадцати всадников, которых я встретил, очень страшный вид. Давай отдадим им вместо Манаса сына другого человека, которого купим

за скот, а сами скажем, что это Манас. Не понравилась Баю уловка Джакыпа:- Каждому свой сын дорог, как и твой тебе. Эти слова твои неразумны. Кто тебе продаст сына за скот? Неужели ты думаешь, что Манас, который разбил Нескару с его шеститысячной ратью, испугается этих людей? - стал он стыдить Джакыпа. Между тем Манас ехал обратно с охоты. В пути он встретил страшное чудовище. От одного его крика замертво упали семьсот четырнадцать горных баранов. Манас выстрелил в него из аккельта. Чудовище взлетело высоко в небо и с ужасным криком упало на землю. Тогда Манас бросился к нему и разрубил его на две части мечом ачалбарс. С тех пор река, что протекает по этой местности, называется Кульджа. По пути встретились Манасу одиннадцать посланцев китайского хана. Узнав его, они последовали за ним в его аил. Там они увидели Джакыпа и стали кричать на него:- Ты, оказывается, отец Манаса! Зачем же ты направил нас по ложной дороге, почему ты не сказал, кто ты? Мы тебя свяжем сейчас вместе с твоим сыном. - И четверо из них уже подскочили к Джакыпу. Рассвирепел Манас, видя это, кинулся к китайцам и одним ударом отбросил всех четырех в разные стороны. Потом связал остальных, выколол у каждого по одному глазу и отрезал им уши и носы. Если вы действительно посланы из Китая, то отправляйтесь назад и доложите своему повелителю обо всем, что видели. Пусть он отомстит мне за вас, заявил Манас и так отпустил их.

2. Провозглашение Манаса ханом

Когда настала осень, аил Джакыпа расположился недалеко от русла реки Айдынкель. Вокруг аила Джакыпа, пользуясь его пастбищами, раскинулось много других аилов. В впадинах на склонах гор мычали коровы, на просторах пастбищ ревели верблюды, в ущельях паслись несчетные табуны коней, ближе к аилу кишели многочисленные отары овец. Скота было там много, что среди множества его можно было заблудиться. По утрам и вечерам джигиты упражнялись в стрельбе, спускали борзых и пускали ловчих птиц. В это время Манасу исполнилось пятнадцать лет. Однажды из всех окрестных аилов собрались юноши и задумали ехать в степь, чтобы устроить там игры, поохотиться с собаками и ловчими птицами. Взяли они котлы, сели на коней и отправились в далекий путь. Самому старшему из них было двадцать пять, а младшему пятнадцать лет. Всех собралось восемьдесят человек. Они прибыли к берегу Чаркастана и расположились там на шесть дней. Старшие из собравшихся сказали:- Кто заколет своего коня и восемьдесят человек, того мы сделаем ханом. Они уговаривали друг друга отдать своих коней, но никто не соглашался, все говорили:- Мы уже давно наметили Манаса. Быть ханом более всего подходит ему. После того, как были опрошены все более взрослые, очередь дошла до самого младшего - Манаса. Прежде, чем ему успели задать вопрос, Манас сказал:- заколите Аккулу! Однако Аккула оказался слишком тощим, поэтому вмешался Чегебай, один из товарищей Манаса. Сивая трехлетка, которую я оседлал, принадлежит Манасу, заколите ее, - и Манас заколол трехлетку, разделив мясо между всеми. Тогда джигиты подняли Манаса на белом войлоке и провозгласили его ханом. И сказал Манас:- Довольно теперь играть. Пересечем гору, что чуть виднеется отсюда, дойдем до Маральего Брода на Уркун-Дарье и будем сторожить путь. Если встретим волков или разбойников, вышедших на добычу, то накажем их.

Они прибыли к Маральему Броду, пустили лошадей пастись, расстелили на траве свои подстилки и от нечего делать начали стрелять оленей и косуль. Пока они так проводили время, на той стороне реки показался караван из сорока пяти груженных верблюдов. Это был великан Нукердее и семьсот воинов, посланных Эсенканом на розыски пропавшего каравана. Нукердее отрядил сто человек, чтобы они схватили Манаса, но тринадцать из них утонули в реке, а всех остальных Манас перебил. На другой день Нукердее сам переправился через реку со всем своим войском и встретился с джигитами Манаса. Завязалась битва. Сперва начались поединки наиболее сильных батыров. В первых двух

поединках погибло двое с китайской стороны. В третью очередь произошел поединок китайского балбана Болджонге с Кёкчё, сыном казахского батыра Ай-даркана. Китайский балбан (борец), не допуская противника до рукопашной, нацелился в него из ружья. Увидев это, Манас первым выстрелил в китайца. Страшно взбесился Нукердёе, весь гнев его ударил ему в голову, одним наскоком подлетел он к батыру Кёкчё, стащил его с коня и хотел ударить о камень, но не успел, так как сам пал от руки Манаса. После этого Манас уничтожил все остальное войско Нукера. Весь берег Уркун-Дарьи окрасился красной кровью. И прозвали тогда Манаса его друзья страшным именем Канкор. С богатой добычей, живыми и невредимыми, восемьдесят джигитов вернулись домой. Когда они прибыли в аил Джакыпа в местность Мамырдын сазы, в честь такой победы выбрал Джакып из косяка жеребца Камбарбоза девять яловых кобылиц, зарезал их и совершил большое жертвоприношение. Много почетных гостей собрал на это сборище Джакып и держал к ним такую речь:- За последнее время мы доставили много хлопот и неприятностей китайцам и калмыкам. Они очень древнего рода, эти народы, их корень не высчитаешь, не дойдешь до их начала. Если мы будем продолжать жить так, как все это время, то в один прекрасный день они пойдут на нас походом, разобьют нас, мужчин сделают рабами, а женщин - вдовами. Если пересчитать в нашем обществе всех казахов, кыргызов, калмыков, монголов, найманов, нойгутов и прочих, то наберется воинов до девяносто шести тысяч. Надо выбрать хана из тех мужей, кто в мирное время охраняют границы родной земли, а во время войны встают перед лицом врага и в грозные дни бедствий, крови, грабежей и истребления народа вынимают из ножен меч и как ураган, с громким воинственным кличем несутся вперед на вражью рать. Разве не правду говорит бай Джакып? - сказал тогда весь сход, и согласились - быть по его слову. Долго перебирали имена удалых батыров. Иные аксакалы предлагали избрать Джакыпа. Пока они раздумывали, встал некий удалой молодой джигит и молвил так: Почтенные аксакалы! Были мы на охоте и подняли на войлок своим ханом славного Манаса. Разве он плохим ханом будет? Подумайте, аксакалы! Разве не правду говорит удалец джигит? - сказали аксакалы и порешили выбрать ханом Манаса. Тогда на белом, как лебедь, войлоке подняли ханом Манаса и вручили ему в руки поводья в знак власти. Сильно изменился Джакып с тех пор, как сына его подняли ханом. Забыл о прежней своей скупости, заколол девяносто кобылиц и на десять длинных дней устроил он пир. На этом пиру Эр-Кёкчё, сын казахского батыра Айдаркана, был провозглашен тёрё.

3. Переселение Манаса с Алтая

В прежних подходах Манас подчинил себе большое число китайцев и калмыков. А тех, кто не подчинился, прогнал на запад и на восток до самого Бейджина. Этим он уязвил китайцев в самые корни сердца. Когда разнеслась слава Манаса, китайцы, испугавшись его силы и славы, решили преградить путь киргизскому войску и построили Великую китайскую стену. Манас назвал все покоренные им города своим именем и именами своих чоро: Манас, Урумчи, Бабакары, Аджибай, Чалыбай, Бай и другие. Через некоторое время после возвращения на родной Алтай, Манас вдруг изменился. Три дня, три ночи сидел он, подперев голову локтем, и не спал. Оперевшись на меч, встречал он утренние зори и, наконец, на четвертое утро решился на какое-то чудесное дело. Он известил весь свой эль, один конец которого находился на Енисее, а другой в Учарале, и послал за своими чоро и шестьюстами аксакалами. Посланные пришли к ним в страхе и растерянности, говоря между собой: - Манас уже три дня не спит, его гнев из сердца вытекает наружу, он сам себя беспокоит и тревожит, на его веки выпал снег, он потемнел, как разбушевавшаяся грозная туча. Все собравшиеся: Акбалта, Бердике, Байджигит, Кутунай, Маджик, Элеман, Сыргак, Серек, Бакай, Умет, Урбю, Чалыбай, Аджибай никак не могли придумать, что делать и решили спросить Манаса, который сидел в бешенстве и гневе, так что волосы его тела от ярости пробили одежду и вышли наружу, как иглы сосны. Что с тобой случилось, аба (брат)? На кого ты гневаешься? Кто тебя рассердил? - растерянно

спрашивали они. Но Манаса был безмолвен и неподвижен. Спустя некоторое время он сказал:- Теперешний Туркестан, оказывается, сначала был китайской землей. В то время название его было Нааман. Потом, когда наши предки завоевали его, он был назван Туркестаном. Но китайцы вернули его обратно, тюркский народ рассеяли в разные стороны. Часть из нас пришла на Алтай. Но сейчас в Туркестане осталось много наших сородичей, которых покорил себе Китай. А ведь как подумаешь, то ясно становится, что Алтай, который мы уже долгое время считаем нашей отчиной, воду которого пьем, соль вкушаем, является краем света, в то время как Джетысу, Алай, Андижан - самая плодоносная сердцевина мира. Некоторые города Туркестана, которые мы покорили во время нашего похода, вновь откололись от нас и подчинились Китаю. Поэтому, пока открыты глаза мои, я должен перекочевать на Алай, подчинить себе Каркыру, Алай, Аралкёл и другие земли. Мы должны вытащить колья наших юрт из земли алтайской и перекочевать оттуда. Таз и Байджигит возразили:- Мы не будем переселяться. Алтай - счастливая земля. Когда мы тут кочевали, все наши дела были удачны, а наши сны были счастливы. Каждая голова скота тут удвоилась, а из двух стало четыре. Если мы уйдем с Алтая, то здесь вновь восторжествуют монголы. Урбю и Кёкчё, наоборот, хвалили просторы Туркестана и защищали решение Манаса. В конце совета Манас сказал:- Все таки я переселюсь. Кто хочет оставаться - того я не неволю. Это мой прощальный пир. Сказав так, он угостил всех собравшихся разнообразной едой и кумысом из шести тысяч бурдюков, дал каждому в подарок по верховой лошади и чапану (ветровка), а наутро, нагрузив свое добро на восемьдесят верблюдов, вместе с большинством народа двинулся в путь. Когда кашгарский хан Алакун услышал весть о переселении Манаса в сторону Атбашы и Нарына, он решил собрать стовосьмидесятитысячное войско, чтобы сразиться с ним. Но он не успел еще это сделать, как уже прибыл сам Манас.

Алакунхан послал своего аяра Акулакуна навстречу Манасу, чтобы разведать о нем. Аяр встретил Манаса в местности Джайдёбё. Увидев его грозный вид, он устрасился и сердце его разорвалось на части. На следующее утро со стороны кашгарского войска выехал батыр по имени Дагалук и остановился против Манаса. Начался поединок. Дагалук два раза пытался найзой (название ружья) проткнуть Манаса и сбить его с лошади, но Манас рывком сбросил его с коня и убил, а вслед за ним сбил и самого хана Алакуна, который держал боевой стяг. Испуганное кашгарское войско тогда пришло на поклон к Манасу и выдало ему двадцать шесть батыров, которые были его яркими врагами. Манас в гневе приказал:- Эй, двадцать шесть! Выступайте против меня одного! - и одиннадцатью ударами он уничтожил всех, потопив землю в их крови. Тогда Бакай с сорока чоро подъехали к Манасу и хотел удержать его от дальнейшего кровопролития. Видя гнев и ярость Манаса, никто не смел обратиться к нему с речью, никто не смел остановить его. И вдруг, когда бешенство его перешло всякие границы, Серек, один из чоро, внезапно громко расхохотался. Интересно знать, кого он хочет проглотить с таким грозным видом, - сказал он. Услышав это, разъяренный Манас одним ударом сбил Серека с лошади. Серек был страшно оскорблен и сказал:- Я сейчас же пойду и присоединюсь к кашгарцам. Не зная об уходе Серека, Манас, услышав бранный призыв, спросил Аджыбая:- Из кашгарского войска вышел еще один разъяренный гневом боец. Кто бы это мог быть? Аджыбай ответил:- Это твой чоро Серек. Если ты сильнее его, то настало вам время сразиться.- Слушай, Серек, разве кроме меня никому не под силу сразиться с тобой, разве ты не нашел себе другого достойного противника? - расхохотался Манас, и гнев сразу отошел от его сердца. Видя Манаса вновь веселым, от всего сердца засмеялись и сорок чоро. Но Серек налетел на киргизское войско и с размаху копьём сразу отбросил в сторону пять-шесть человек. С таким возгласом он устремился на Манаса. Но в это самое время Кутубий с криком:- Ах ты, неразумный глупец! - схватил его лошадь за повод. Увидев это, все войско громко расхохоталось.- Ах ты, Серек неудачливый! - так смеялись киргизские воины над богатырем Серekom. Подчинив себе кашгарцев, Манас в наказание за то, что они вновь перешли в свою веру, забрал у них весь скот, кроме

ишаков, нагрузил на сто тысяч верблюдов захваченное у них золото и серебро и, призвав соседних ханов Мунара, Кайыпа, Пануса, приказал кашгарцам платить им дань. Им он оставил только строения и посаженные ивы и тополя, которые нельзя было увезти с собой. Он приказал обрезать кашгарцам края их шапок в знак их покорности.

4. Женидьба Манаса на Каныкей

Манас решил женить Алмамбета и поехал искать ему невесту. Алмамбет же ничего не знал об этом. Как-то придя в юрту Манаса, он спросил у двух жен Манаса - Карабёрк и Акылай, - где Манас? А они зная куда он поехал, переглянувшись между собой, рассмеялись и ничего не ответили. Это непонятная насмешливость раздосадовала Алмамбета, и он ушел, а когда Манас вернулся и рассказал Алмамбету, что ездил искать ему невесту, Алмамбет ответил на это:- Хорошо, что ты обо мне заботишься, но подумай и о себе. Хоть есть у тебя две жены, да что в них толку, когда у них не хватает ума? Тебе надо найти себе еще одну умную жену. После некоторого раздумья Манас решил, что Алмамбет прав и придя к своим родителям, сказал им:- Вы меня вскормили и вырастили, но ваш долг по отношению ко мне вы еще не выполнили. Вы ни к кому не посватались, никому не кланялись с почтением и не выбирали мне настоящей невесты. Я сам добыл себе жен: Карабёрк я отвоевал, а Акылай досталась мне как наложница. Теперь вы должны мне сами сосватать умную девушку. Согласился с этим Джакып и, нагрузив лошадей золотом и серебром без счета, отправился искать жену Манасу. Он объехал Чарджуй, Бухару, Самарканд, Ташкент и множество других городов, но нигде не нашел подходящей девушки. Прибыв в землю таджиков, он подъехал к городу Кейин. При въезде туда ему встретился человек по имени Алым мырза. Джакып рассказал ему о цели своих странствий и спросил, не знает ли он, где можно найти подходящую невесту для его сына Манаса? Алым мырза сообщил Джакыпу, что в том городе есть медресе, где учится шестьсот восемьдесят девушек. Среди них особым умом и красотой отличается дочь Темирхана - Санирабийга. Но очень трудно добиться руки этой девушки, и многие удалыцы сложили уже на этом свои головы. - Попробуй, может быть тебе и удастся, - закончил свой рассказ Алым мырза.

Отправился Джакып к медресе, подкупил там одного курбаши, дав ему джамбы (слиток серебра), и тот, позарившись на деньги, показал Джакыпу шестьсот девушек в то время, когда они сидели за чтением. Но ни одна из них не понравилась отцу Манаса. Курбаши объяснил, что дочь Темирхана находится среди остальных девушек, которых не видел Джакып, и увидеть их невозможно. Джакып решил во что бы то ни стало увидеть этих девушек. Оставив своих спутников в степи, сам он направился в сторону медресе и сел на берегу протекавшей поблизости речки, по обоим берегам которой росло много ягод и винограда. Прочитал Джакып бешим (вечерний намаз) и стал терпеливо ждать. Скоро из медресе вышло пятьдесят девушек и с играми и смехом начали собирать ягоды. Джакып спрятался так, что мог видеть девушек, а сам был для них невидим. И вот три девушки, среди которых была и Санирабийга, подошли, собирая ягоды, совсем близко к Джакыпу. У этих трех девушек, собиравших ягоды. Чудесные волосы спускались до земли. Шеи их были гибки по-петушиному. Среди них была Санирабийга- самая красивая из всех. Речь ее струилась нежно и плавно. И была полна мысли и ума. Едва исполнилось ей шестнадцать лет, а волосы ее уже достигали земли: широк был ее лоб и черны ее глаза. Подобно пуговице витой из золота блестел изгиб ее бровей. Осанка ее была царственной. Несмотря на скромную одежду. Стан ее был гибок, как у новорожденного верблюженка. Голос ее звучал очень сладко. Выгнутая спина и гордая грудь были как у архара, лик ее был подобен луне. Глаза сверкали как у верблюженка. Лучезарны были розы ее щек. Гибкий стан ее изгибался. Девушки собрав ягоды, начали делить их между собой, и пока они ходили туда и сюда, Джакып сумел достаточно оценить их красоту. Невидимый для Санирабийги, он не мог на нее насмотреться, так она была хороша. - Если я к этой

девушке посватаюсь, то и Манас не скажет "нет" - подумал он. В тот же вечер он прибыл ко дворцу Темир-хана и уселся на глиняный дувал (стена). К нему подбежали телохранители хана и спросили: - Скажи, кто ты такой, что осмелился усестись здесь? Рассердился Джакып на эти слова и сказал:- Не бродяга я, а тоже хан. Когда я совершал намаз на берегу реки я увидел пятьдесят веселящихся девушек, одетых в одежды из кырмызы, и среди них мне очень приглянулась одна. Я долго наблюдал за ее поведением. Она одета скромно, но стан ее так гибок, как у новорожденного верблюжонка, а изгиб ее бровей подобен рисунку пером. Видно, что она хорошо воспитана, как ловчая птица обучена и бережет себя от неверных шагов и ошибочных поступков. Я не мог на нее наглядеться, но я не мог узнать, дочь ли это хана? Не хватило остро ты зрения у моих глаз, чтобы узнать, дочь ли это бека? Если она дочь хана, то она более величава, чем сам хан. Если же она дочь бека, она более величава, чем сам бек. Она мне показалась подобной чистому серебру в ларце для драгоценностей. Она мне показалась дороже, чем собственная душа. Чьей бы ни была дочерью эта девушка - я пришел ее сватать. Пойдите и скажите об этом хану. Услышав такие слова, стражники хотели убить Джакыпа, но решили сначала спросить своего хана, пошли и рассказали ему. И сказал им хан:- Не из простых, видно, этот человек, иначе он не осмелился бы говорить так дерзко. Уж не отец ли он Манаса? Пойдите, узнайте, и если это кто-либо другой, то убейте его немедленно. Джакып назвал стражникам свое имя, они доложили об этом хану и попросили его прийти завтра во дворец. А хан в это время созвал своих советников, и они, боясь отказом навлечь гнев Манаса, решили дать Джакыпу согласие, но запросить небывалый калым, чтобы тем отпугнуть его. Когда на утро Джакып пришел к хану, ему так и было сказано, однако невероятный размер калыма не испугал его. Он отдал в качестве подарка при сватовстве все несметное золото и серебро, которое привез, и тогда он и Темир-хан ударили по рукам в знак согласия. После этого вернулся Джакып в свой аил на Каратоо живым и невредимым. Там он собрал на совет аксакалов и рассказал им, что высватал Манасу дочь таджикского хана Темира Санирабийгу. Одобрив аксакалы его выбор и собрали у народа скот для калыма втрое больше, чем просил Темир-хан, чтобы тем самым показать всем богатство Манаса.

В течение шести дней было собрано тридцать тысяч баранов, три тысячи голов лошадей и другого скота. Сам Манас поехал за невестой с двенадцатью тысячами джигитов, а Джакыпа сопровождало девять тысяч аксакалов. Кроме того за ними следом двигалось сорокатысячное войско; под звуки кернеи (музыкальный инструмент) и сурнаев (музыкальный инструмент) шли они и через двенадцать дней прибыли к столице Темирхана. Встревожился Темир-хан, увидев такое великое множество людей и скота, но вскоре узнал, что это движется его сват Джакып. Скот, который гнали для уплаты калыма, чуть не затоптал весь город, и растерявшийся хан должен был хлопотать о том, чтобы как-нибудь его разместить. При этом он совсем забыл о самих сватах. Пришлось тогда Джакыпу со всей своей свитой раскинуть кибитки и расположиться ночевать вблизи города. Сильно разгневался Манас за это на Темирхана и сказал: - Что это за человек, который считается с людьми меньше, чем со скотом? Призвав Аджыбая, он поручил ему разузнать, как можно тайком проникнуть к дочери хана. Аджыбай, получив это приказание, сумел договориться с женой Темир-хана Акмамой, которая была так умна и хитра, что это восхитило его. Акмама, узнав о желании Манаса, приказала телохранителям своей дочери перейти в другой дом, а охраняющим ее женщинам дала наказ, чтобы они не препятствовали Манасу, и когда в стане все уснули, он в сопровождении Аджыбая пошел во дворец. Охранявшие ханскую дочь женщины, узнав, что это Манас, притворились спящими, а Манас прошел к Санирабийге и разбудил ее. Мужественный облик Манаса сразу запал в душу девушке, но она не подала вида и сердито спросила его:- Кто ты такой, что осмелился ночью пройти во дворец моего отца и, нарушив шариат, проникнуть ко мне? Если ты еще не узнала меня, то знай, я - Манас, и пришел я за тобой. Сказав это, он попытался прилечь на ее постель. Но она не пустила

его, быстро вскочила и позвала стражу. Когда стражники кинулись на ее зов, то Акмама вышла им навстречу и вернула их назад. А Санирабийга и Манас в это время совсем рассорились. Она сказала ему:- Если твое имя Манас, то это не значит, что я должна тебя принять. И мою собаку, и стражника у моих дверей, и охранявших меня женщин я называю Манас. Страшно оскорбился на это Манас и хотел ее ударить, но она, схватив меч, полоснула его по руке. Тогда Манас так сильно ударил ее ногой, что она упала без чувств. В великой ярости вернулся к своему войску Манас и приказал ударить в боевой барабан, призывая к бою. Огромное войско быстро собралось и уже приготовилось напасть на город, но Джакып, Кёкётёй и другие аксакалы удержали порыв Манаса. Тем временем к ним прибыл Темир-хан и пригласил всех на пир. Манаса с его сорока чоро он привел сначала в свой дворец, но потом, решив, что киргизы любят войлочные юрты, поместил Манаса в просторную юрту, а каждому из сорока чоро тоже приготовил по юрте. Грозный облик Манаса так страшил женщин, которые прислуживали гостям, что ни одна из них не решалась войти в его юрту. Наконец одна, которая считалась самой отважной, вошла к Манасу, чтобы принести ему еду, но, увидев его, упала без чувств. Два дня, две ночи никто не смел войти к Манасу, и все это время Манас ничего не ел. На третий день навестить его пришли сорок чоро во главе с Бакаем и Кыргызлом. Разгневанный Манас, как голодный зверь, схватил нескольких из сорока чоро и начал бить их друг о друга. Тогда Серек сказал Манасу: - Мы прибыли сюда, чтобы достать тебе жену. В чем же, скажи, наша вина, зачем ты бьешь своих родичей? Тогда пристыженный Манас оставил их в покое и вместе с батырами пошел к войску. В гневе он отдал приказ разрушить до основания город Темир-хана, уничтожить без остатка весь его народ и с этим намерением велел войску идти на приступ, говоря: - Пусть пыль этого города взлетит до самого неба! До Темир-хана дошли тревожные вести о воинственных действиях будущего зятя и он сейчас же послал узнать, почему так страшно разгневался Манас? Женщины и девушки, приставленные чтобы служить Манасу, в один голос объяснили, что они от страха два дня и две ночи не входили к нему, не кормили его и он до прихода сорока чоро лежал голодным. Жена хана Акмама стала укорять дочь за то, что по ее вине весь народ подвергнется такому разгрому и что такой позор ляжет на седую голову ее отца. Но Санирабийга уже и сама приготовилась пойти к Манасу и отвечала так:- Не сердись, матушка! Если я выйду к его войскам, мне кажется, что ярость покинет Манаса. Но все же, опасаясь как бы Манас в гневе не убил ее, она простилась с матерью, отцом с родными и друзьями и отправилась с сорока девушками к войску Манаса. Когда она выехала на возвышенность, то увидела, что толпы ее народа в страхе бегут, а огромное войско Манаса гонит их перед собой. В знак мира выбросила Санирабийга свой белый платок и он стал развеиваться по ветру, а сама вместе с сорока девушками появилась перед войском. Бакай и Кыргызл, которые находились впереди, приказали воинам не трогать их. Войско мгновенно остановилось, как кровь в жиле, перетянутой шнуром. Сказав эти слова, Санирабийга подошла к Манасу и взяла за повод его лошадь. А девушки, пришедшие с ней, добавили:- Теперь делайте с нами, что хотите, мы склонили наши головы. Если хотите, то мы отдадим вам Санирабийгу. Тогда сражение прекратилось и на невесту рассыпали чачыла. Абылкасым один из соратников Манаса, сказал:- С этой поры не будем звать ее больше Санирабийга, пусть называется она теперь Канькей, что значит «жена хана». Темир-хан приказал раскинуть для сорока чоро войлочные юрты, говоря, что они хороши во время жары. Но таджики не умели ставить их, и только Канькей ловко справилась с этим сложным делом, так как сама любила жить в юрте и научилась их ставить издавна. Самыми старшими среди сорока чоро были Бакай и Кыргызл, года которых подошли уже к тридцати пяти; самыми старшими среди девушек были восемнадцатилетние а младшими шестнадцатилетние. Сорок чоро начали обсуждать, кому из них какая девушка достанется, и каждый высказал свое мнение. Самым последним выступил Манас и предложил устроить байгу. Он сказал так:- Чья лошадь перед какой юртой остановится, та девушка будет принадлежать тому баатыру.

Так и сделали. Первым прискакал Алмамбет, и его лошадь остановилась у юрты красавицы Арууке. За ним появились один за другим сорок чоро, и их кони остановились у девичьих кибиток. Самым последним прибыл Манас на своем Аккуле. Сказав это, она шутливо столкнула его с лошади и приняла тулпара (боевой конь, выдающийся скакун) у храброго нойона. Открыла Каныкей дверь, чтобы ввести в свою юрту Манаса. Потом Манас и Каныкей устроили пир для сорока чоро и девушек, напоив их араком и шербетом. Чтобы предотвратить возможные несогласия между батырами и девушками, и чтобы не говорили они потом: "Не хочу я достаться этому батыру" или "Не возьму я эту девушку", Манас на эту ночь отправил тех и других врозь по их юртам. А на утро он приказал завязать всем девушкам глаза и сказал:- Чья рука какого джигита коснется, тому та девушка будет принадлежать. И хотя их глаза и были завязаны, однако каждая девушка выбрала того батыра, который прискакал к ее юрте прошлым утром. Алмамбету опять досталась Арууке. Была она очень красивой и крепко полюбила Алмамбету. Но сама она отвергла его, говоря, что он капыр. Узнав об этом, Манас решительно сказал: - Если Арууке не достанется Алмамбету, то и я не возьму Каныкей. Так показал Манас своим недовольством, что Алмамбет для него самый близкий, что у них тесная связь крови и духа. Увидев это Арууке дала Алмамбету свое согласие. И начались тогда свадебные веселье и игры. Тридцать дней и тридцать ночей длились они. А потом Манас и Каныкей, Алмамбет и Арууке и сорок чоро с остальными девушками вернулись в свой аил на Каратоо.

5. Поминки по Көкөтөю

У Көкөтөя, хана ташкентского, было одиннадцать дочерей, но не было ни одного сына и об этом печалилось его сердце. Дочь мергена(охотника), красавица Бектору полюбила батыра Төштүк и понесла от него ребенка. Когда Төштүк собрался уезжать. Бектору спросила его:- Скажи, как мне быть с ребенком, что живет у меня под сердцем, как твой аманат?- Если это будет сын, - ответил Төштүк, - то отнеси и положи его к верблюжьему стаду Көкөтөя у черного камня Байгары. Көкөтөй найдет его и сделает своим сыном. Если же это будет дочь, то воспитай ее и выдай замуж туда, где она не будет лить слез. Бектору родила сына и сделала так, как сказал ей Төштүк. Көкөтөй действительно нашел ребенка, объявил всем, что мальчика родила его собственная байбиче и задал большой той, на котором мальчику дали имя Бокмурун, чтобы не сглазить. Бокмурун рос отважным и храбрым и из него вышел могучий батыр. С тех пор, как во время войны с Панус-ханом ташкентским Көкөтөй помог Манасу и перешел со своим войском на его сторону, он стал его самым преданным союзником. Манас очень привязался к нему и думал:- Чем я могу отплатить Көкөтөю за его преданность и дружбу? Я дал бы ему богатство, но его собственное имущество не помещается в его владениях. Я объездил бы весь свет, чтобы найти ему красавицу-жену, но лета его уже за восемьдесят четыре года перевалили. Так думал Манас и наконец решил:- Если Көкөтөй умрет раньше меня, то я, не жалея скота, приглашу все окрестные аилы с четырех сторон света и устрою великий пир, который прославит Көкөтөя во всех странах. Этим я воздам ему должное. Когда Манас был в Таласе, Көкөтөй вдруг тяжело заболел. Почувствовав приближение смерти, он призвал своего родича Баймырзу и сказал ему:- Баймырза! Моя болезнь усиливается, перед смертью я не сумею увидеть своего сына Бокмуруна и передать ему свое последнее слово. Передай же ты ему мои слова: когда я умру, пусть он не тратит понапрасну скот на поминки; пусть сделает поминки скромные, как свадьбу вдовы, как игру старух; пусть мои похороны останутся незамеченными. Скот нужен живым, а Бокмурун еще молод, своей детской головкой он решит, что мне нужны почести и изведет понапрасну весь скот на угощение. Пусть не сообщают пока о моей смерти и Манасу, сыну Джакыпа, ибо если он узнает, то не жалея скота, вздумает устроить огромный пир, чтобы прославить Көкөтөя. Пусть не только Манас не узнает о моей смерти: пусть знают о ней даже не все люди моего аила. - Баймырза, родной! Передай эти слова мои Бокмуруну, не проливая, не

просыпая ничего из них. В то время Бокмурун уезжал за своей невестой Канышай, дочерью хана Тюлькю. Когда он вернулся вместе с ней, то Кёкётёй был уже мертв. Страшно горевал Бокмурун, что не пришлось ему видеть отца перед смертью и услышать его последние слова. Громко рыдал он, и собравшийся народ присоединился к его плачу. Аил огласился воплями, рыданиями и похвалами Кёкётёю за его славные дела. Когда на землю спустилась ночь, Баймырза призвал к себе Бокмуруна и сказал ему:- Вот что приказал, потерявший ум перед смертью, твой почтенный отец. Услыхав все это, сказал Бокмурун:- Кёкётёй-хан умер, единственный мой советчик теперь - это ты. Скажи, как же мы похороним Кёкётёя? Ведь завещание его двойственно! И ответил ему Баймырза:- Заколи дряхлую кобылицу, позови жителей своего аила и устрой угощение, подобное свадьбе вдовы, подобное играм старух. Но Бокмурун возразил:- Ничего толкового я от тебя видно не услышу. Поеду-ка я к льву Манасу, он был единственным верным другом моего отца и в радости и в печали. Пусть он мне посоветует, как быть. Оседлал Бокмурун своего чудесного скакуна Мааникера, скакал на нем всего одну ночь и на утро прибыл к Манасу. Приехав, рассказал он ему о смерти своего отца Кёкётёя и о своем затруднительном положении:- Я пришел к тебе за советом, аба! Отец мой умер, а я молод, голова моя еще не наполнилась мудростью. Когда он умирал, меня не было дома. Он завещал похоронить его пышно, позвать людей с востока и с запада, устроить богатый пир, а потом совершить дела, которые были бы образцом для всего мира. У Кёкётёя много богатств, однако угостить нужно не только киргизов, но и калмыков, и китайцев. Что же теперь делать? Манас одобрил желание Бокмуруна, хотя несколько и встревожился, и сказал ему:- Теперь ты поезжай домой и, не стесняясь и не боясь никого, начинай приготовления, как ты вздумал. Они должны стать образцом для всего народа. Услышав эти слова Бокмурун, незамеченный никем, в ночной темноте вернулся в свой аил. После кырк-аша(поминки), который прошел торжественно, он собрал весь свой народ и сказал:- Кёкётёй нас всех обогатил. Нет никого, кто бы не испытал на себе его щедрости. Перед смертью он завещал мне устроить аш, и я хочу это исполнить. Все согласились с Бокмуруном. В это время стояла весна, и скот начал сильно жиреть. На третий год после смерти Кёкётёя, Бокмурун поднял свой боевой стяг, разбил юрты и позвал великих батыров Кошоя, Урбю, Кёкчё, Акун-хана и других. Когда батыры собрались, он сказал им о своем желании устроить пышные поминки, исполняя последнюю волю отца. Батыры во главе с Кошоем и Кёкчё одобрили это решение. Как вы полагаете, в какой земле лучше устроить аш? - спросил их Бокмурун. Каждый высказал свое мнение, а в конце Кошой сказал, что удобнее всего было бы пировать в Каркыре, и все согласились с этим. Тогда Бокмурун поднял все юрты своего народа, согнал весь скот и двинулся в сторону Каркыры.

Радовался народ приволью нового кочевья. Удобно было оно для скота, подходило и для поминальных пиршеств. Начал готовиться тогда народ к шумным пирам, разыскивал в окрестностях источники с чистой водой и заготавливал топливо. Созвал Бокмурун аксакалов и сказал им:- Поминки нужно провести как следует - это наш великий долг. Сколько народа мы пригласим на аш и кого? – так советовался он с ними. Тогда встал Баймырза и промолвил:- Кого же нам пригласить на аш? Пригласим некоторых казахов и киргизов, которые явятся со своими подарками к пиру. Манасу тоже можно послать вестника, а то можно этого и не делать и его совсем не извещать. Бокмуруна страшно разгневали лукавые слова Баймырзы, и он в ярости стал бранить его:- Богатства Кёкётёя так велики, что не вмещаются в его владениях. Не буду я жалеть имущества отца ради его памяти. Если я надумал устроить аш, то сделаю это, как подобает сыну Кёкётёя. Отец мой перед смертью завещал мне:- Когда я умру, сын мой, позови все народы Востока, оттуда, где рождается день, позови все народы Запада, оттуда, где день угасает. Устрой аш так пышно, чтобы надолго сохранился он в памяти всех народов. Так он сказал перед смертью, так и хочу я сделать теперь.

Был в аиле Бокмуруна могучий батыр по имени Айдар. Призвал его к себе Бокмурун и сказал:- Садись на доброго коня, удалец, надень на себя непроницаемую для стрел и пуль одежду, скачи на Восток, где рождается день, скачи на Запад, где день угасает. Оповести народы о смерти моего отца, пригласи все народы, которые встретишь на своем пути, на поминальный пир о нем. Скажи, чтобы все собирались в привольные долины Каркыры. Будет там аш великий, угощение обильное, веселье несмолкаемое. Поскачут статные кони на байге, добывая первенство. Первым призом будет девять тысяч красных верблюдов, девяносто тысяч рогатого скота, сто тысяч голов овец, а последним призом будет девять штук черного скота и девяносто голов овец. Всего призов положено на шестьдесят одного скакуна. Так оповести ты их всех и прибавь:- Не отказывайтесь от пышного пира, приезжайте все со своими близкими, приведите с собой все множество вашего войска. Если вы пренебрежете поминками Кёкётёя, то его сын Бокмурун, могучий и славный батыр, не оставит вас живыми за оскорбление. Он налетит на вас войной, разгромит ваши аилы, и останется у вас из всего твердого только казан, а из всего мягкого только вода. Ваши жены и девушки станут рабынями, а сами вы будете уничтожены. Больше ничего не прибавляй, удалец, а скачи дальше по городам и аилам. А Кошою и Манасу скажи иначе, с великим поклоном и почтением скажи, и знай, что если перед ними ты промолвишь хоть одно дерзкое слово, не бывать голове твоей на удалых плечах! И пустился Айдар в долгий и трудный путь. Девять раз поднимался месяц в своем полнолунии, а Айдар все еще был в пути. И вот, наконец, на аш Кёкётёя начали съезжаться приглашенные. Из Китая прибыл Конурбай, приехал Мурадыл, сын Кырыма, прискакал Нескара с красной кисточкой на шапке, калмык Ушан, Бороончу черногривый, ханша Оронгу из Канкая, богатырша Сайкал, дочь Каткалана из Солонов, Алооке, Джолой - великан с нравом свиньи, Бозкерттик, сын Токшукера, Соорондик, сын Солобона, великан Будаанчан, из Катаров - Тагылык, Сары - великан из Сакалатов, отверженный всеми Кейкубат, тибетский хан Демиль, чванливый Чоюнали, Джоонали с хвостом орла стервятника, Каманалы с ушами, как ножницы, Китенали с железным пупком, Кошой из племени Катаган, Кёкчё батыр из казахов, красноречивый Эр-Урбю, Тёштюк, сын Элемана, Джамгырчи, сын Эштека, Музбурчак, сын Буудайика, Агыш, Коджош, Акбай, и Мамбет, Кёкбёрю, сын Урумкана, Кёккоён, Султан, Джеджигер, Чегиш, нойон Эгиш, Керкёкюль из Кёкмёков, Эр Джанай, сын Кочпеса, ханский племянник Джугору, хан афганцев Акун-хан, хан Бухары Темир-хан, Аи коджо из арабов и много других там было. Каждый прибывший привел с собой огромное войско. Когда собрались все гости, наконец, после всех, прибыл Манас со стотысячным войском, в полном вооружении и доспехах, с бесчисленными стадами скота, вместе с Каныкей и сорока чоро. И все народы, которые прибыли на пир устремились ему навстречу: все повскакивали на коней и помчались к его кочевке, один наезжал на другого, произошла большая суматоха, люди сбились в кучи, падали и опять вставали. Переполох был такой, как в стаде гусей. Манаса поместили в юрте славной и именитой девушки Тоорун. Весь народ, прибывший на аш, толкая друг друга, стремился увидеть Манаса и толпился у его юрты. Сынчи Чагырай, испытатель искусный, служивший хану Алооке, стремясь разведать, каков Манас, заглянул в отверстие юрты. Но так напугал его грозный облик Манаса, что не вынесло сердце его такого страха и разорвалось. Пораженный Чагырай упал бездыханным, и в народе надолго сохранился рассказ о быстрой смерти искусного сынчи (критик). В это время Бокмурун пришел к Манасу, привел ему в подарок скакуна Арча-тору и сказал:- Мы не начинали аша, потому что ждали тебя, батыр! Теперь сам решай, когда начинать. И пригласил Манас на совет Кошой. А калмыкский батыр Джолой, приехавший на аш, не довольствуясь пищей, которой угощали весь народ, пришел туда, где варилось мясо, силой отнял у поваров целый казан мяса и съел его. Этим он, однако, не насытился. Когда он собрался отнять еще казан, один из поваров пошел и пожаловался Бокмуруну. Бокмурун разгневался :- Ах, чтобы он провалился сквозь землю! Если бы он мне сказал, что голоден, ведь я бы ему в его юрту доставил мясо. - И сказав это, он вскочил на своего

Мааникера. Когда Джолой увидел этого коня, он позавидовал Бокмуруну и поскакал к Конурбаю за советом, как бы отнять его у хозяина. Джолой расхвалил Конурбаю Мааникера и сказал:- Хочу найти повод, чтобы добыть себе этого скакуна! Тогда ответил Бокмурун Конурбаю:- Я должен посоветоваться со своими родичами, - и спешно поехал к Кошою. Обсудив это дело с киргизскими батырами, Кошой решил отдать Мааникера Конурбаю, но все-таки посоветовал Бокмуруну:- Поскольку на аш прибыл Манас - аджидар, то как бы не было грозы и не разгневался бы он, если ты сделаешь это без совета с ним. Поговорить об этом с Манасом взялся Урбю. Киргизские батыры во главе с Кошоем приехали к Манасу и застали его сидящим на троне, а сорок чоро в это время, разбившись на две части, играли в ордо. Своему абаке Кошою, арстан Манас дал справа от себя самое почетное место. Тогда начал свою речь Урбю и успел произнести одно только слово: "Манас!". Но в этот миг Манас посмотрел на него так грозно, что тот растерял все свои слова и не мог больше ничего из себя выдать. Так в гневе отвечал Кошою Манас и, громко ударив в боевой акдоол, стукнув по земле своим аккельте, вскочил на коня и помчался в бой с китайцами. Лицо Конурбая тогда подернулось мрачной тучей отчаяния, он вскочил на коня и скрылся в далеких горах. От китайского стана отделился старик Алооке с шестьюдесятью джан-джуны-ми и прибыл к Манасу с повинной. Привели они с собой в подарок Манасу красавца скакуна Кылгару - кровного брата Алгары, знаменитого скакуна Конурбая. Манас принял их повинную, и мир был заключен. Когда настал вечерний час, по всему стану гостей звонко закричали глашатаи, сев на стройных коней:- Утром начнутся скачки, готовьте тулпаров, объезжайте их, охлаждайте их! Первым призом будет девять тысяч белых верблюдов, девяносто тысяч голов рогатого скота, сто тысяч овец, последним призом будет девять тысяч голов рогатого скота и девяносто овец. Всего назначен шестьдесят один приз. Больше двух тысяч всадников изъявило желание участвовать в байге. Тогда Манас позвал Алмамбета и сказал ему:- Смотри, все люди всколыхнулись от жажды призов! Столько коней нельзя пускать на байге, а не пустишь - обидятся. Наведи-ка ты, Алма, ненастье и холод, тогда выдержат скачку только стойкие, только тулпары(боевой конь, выдающийся скакун) получают призы, остальные же по дороге погибнут. Алмамбет нагнал на землю ненастье и холод, и когда поскакали кони в пробный пробег, то половина из них полегла. У всадников, сидевших на них, остались одни уздечки в руках, и они не надеялись сами остаться в живых. Вперед пронеслись только самые лучшие тулпары. Готовьте коней для байге! - вторично возгласили глашатаи. Множество народа, построившись рядами, ожидало начала состязания. В байге участвовало уже только тысяча тулпаров, после того, как другая тысяча погибла из-за ненастья. Среди скакунов находилась кобыла богатырши Оронгу. Ее, как существо женского пола, решили пустить вперед. За ней должен был идти Аккула. С какого места будем пускать коней? - спросили у Манаса. Но его ответ опередил Урбю, сказав:- Пусть два дня их ведут к месту, где начнется бег, а в один день они скачут обратно. Манас разгневался на такое самовольство Урбю и огрел его с размаху камчой. Урбю покачнувшись, едва не упал на землю, но все же сумел удержаться на ногах. Кошой рассердился на то, что Манас ударил Урбю:- Ах ты, Манас, Манас! Ты, оказывается, очень задаешься, сказал он:- Ты видно, слишком возгордился. И стал подобен чаначу скишшего кумыса. Если ты не бросишь свои замашки, Манас, берегись, тебе еще достанется от Кошой! Урбю, услышав, как заступился за него Кошой, осмелел и обругал Манаса дерзкими словами. Тогда Кошой разгневался на дерзость Урбю и вывел его вон. Манас в гневе задумал было отомстить Урбю, но Кошой своим посредничеством уладил дело. Манас гневался и молчал, не говорил ни слова в продолжение времени, которое нужно, чтобы сварить котел мяса, но потом промолвил:- Пусть скакуны бегут туда в течении шести дней и пусть они достигнут Туркестана. Пусть шестьдесят человек будут погонщиками, а шестьсот человек пусть пригонят заблудившихся коней на правильный путь. После того, как кони двинулись в путь, народ начал пировать и угощаться мясом. Шестьсот бревен из карагая привязали друг к другу, из сорока двух веревок сплели канат.

На вершину карагаев привязали джамбы, так устроили для стрельбы цель. Каждый, кто считал себя стрелком - мергеном, приготовился попытать счастья. Стреляли с раннего утра до знойного полудня, истратили все стрелы, но никакими приемами, никакими уловками сбить джамбы с шеста не удалось. В это время прибыли Манас и его сорок чоро. Каждый чоро выстрелил раз и попал в одну из веревок. Последним выстрелил Манас и перебил последние две веревки. Джамбы, сверкнув на солнце, упал на землю и покатился. В это мгновение Манас на скаку со всего размаха пригнулся к земле и схватил его. Окружающий народ застыл в изумлении, видя его удачу. После этого решили устроить поединки. Для победителей в качестве призов были назначены шестьсот коней, сто верблюдов, двести коров, пятьсот овец. Из среды китайцев вышел Джолой и сел посреди окружавшего его народа.- Ах ты, проклятый, - крикнул он Джолою, - недолго же тебе похвастаться! Эй, молодцы, выходите, сразитесь с ним! - и поскакал сам к киргизским балбанам. Обратился Кошой к Тёштюку, Кошой пришел к Акбаю и спросил:- О мой жеребенок, Акбай, выйдешь ли ты на поединок? Семнадцатилетний Акбай тихо ответил:- Конечно, выйду. Но Кошой посмотрел на него пытливым оком и сказал:- Только что женившийся шалун! У тебя кости стали мягкими после медового месяца! Ведь калмыкский балбан Джолой способен вырвать руки у тебя, как у малого ребенка. Киргизы не стерпят этого, и тогда начнется между народами битва великая. Так обращался Кошой по порядку ко всем киргизским балбанам, но ни один из них не подошел для поединка. Тогда пришел Кошой за советом к Манасу:- Против этого капыра Джолоя должны выступить или ты, или я. Больше никто не сможет выйти на майдан, да если и выйдут, какая от этого будет польза? Манас сказал ему:- Я слаб в пешей борьбе. Я могу сражаться только на коне. На битву с пиками и на конный бой выйду я, на ручную же борьбу выходи ты. Кошой вспомнил тогда, что ему уже восемьдесят пять лет и что нет у него уже прежней силы. Погоревав об этом, он все же согласился и сказал:- Все равно моей голове будет одна смерть! Я не могу не послушаться тебя, Манас! Пусть твое слово будет делом. Я выйду. Но мои брюки уже потрепались. Стоит Джолою дернуть их, они расползутся, и я стану посмешищем для народа. Найди мне прочные брюки. Стали искать, но ничьи брюки не подходили Кошою. Тогда Манас сказал:- У Чалыбая или Аджибая есть мои брюки возьми их, если и они не подойдут, то других нигде нет. Разыскали брюки Манаса, но Кошою и они не подошли. Тогда Манас с упреками набросился на Чалыбая и Аджибая. Зорко осмотрели Чалыбай и Аджибай брюки и обнаружили, что в швах у них есть скрытый запас. Они быстро распорол швы, надели их на Кошою, и они оказались впору. Очень обрадовался Кошой.- Замечательные брюки, кто бы мог их сшить? - спросил он Манаса. Усмехнулся Манас в усы и ответил:- Каныкей до сих пор не имеет ребенка и тоскует о нем. Это она искусно сшила эти брюки, чтобы получить благословение борца. "Это принесет мне счастье ребенка", - сказала она.

После этого шестнадцать молодцов стали растирать ему поясницу. В это время прибыл от китайцев посланец. Он посмотрел на Кошою и сказал:- А боец-то уже староват! Его Джолой победит во сне. Сильно разгневался на это Кошой балбан, борец, прославленный народом. Тогда ответил Кошой:- Твоя одежда - детский нагрудник. Ах ты, гнусный обжора! Помнишь, в ущелье Укурчу, на тое Уйшунбая, я тебя таскал по земле, как козленка на козлодрании? Или ты про это забыл? Или теперь ты стал иным? Нет, - ты прежний Джопой и я прежний Кошой. Сказав так, он выставил руку. Когда Джолой ее схватил, то Кошой отдернул ее, но вся кожа руки осталась у Джолоя. Когда Джолой выставил другую руку, то кожа также одернулась и осталась у Кошою. Два великана набросились друг на друга, а народ, наблюдавший за схваткой двух пехлеванов, застыл в удивлении. Они сражались и день и ночь. Кругом зажгли тысячи чираков(лампы), чтобы наблюдать за битвой. Но ни тот ни другой не мог победить. К полудню следующего дня старика Кошою начал одолевать сон, глаза его уже смыкались. Увидев это, Джолой решил покончить сразу, он поднял Кошою и хотел с размаху ударить его о камень, величиной с алачык. Джолой сказал:- Ты мне дал подножку, иначе я не упал бы, - и схватил его за край

штанины. Манас разъярился, что побежденный, нарушая правила боя, пытается вновь задержать Кошой, и поднял свою камчу. Все киргизы радостно закричали. Кошой вскочил на Коккоёна и конь понесся, высоко подняв всадника над толпой. Когда кончился поединок, глашатаи прокричали:- Выходите вперед плешивцы, начинайте бороться! Для победителя назначен приз в девяносто голов рогатого скота, девять верблюдов и сто голов овец. От китайцев вышел плешивец Мардикелен. Среди киргизов не нашлось ни одной совсем плешивой головы, поэтому никто не вышел. Из-за отсутствия противника назначенный приз достался Мардикелену. Потом началось распутывание верблюда. Призом назначили девяносто голов рогатого скота, девять верблюдов, сто овец, и глашатаи пригласили распутывать верблюдов. Но на зов не вышел никто. Только под конец из среды китайцев вышла ханша Оронгу и мужчина по имени Мардикелен и, распугав верблюда, Оронгу взяла приз. Сейчас объявляем состязание на конях, - возвестили глашатаи. Все сильные, все могучие, выбирайте мощных коней, выходите на состязание. Наградой победителю будет сто боевых коней и триста кобылиц. Пронесся слух, что от киргизов выйдет сам Манас. Все замерли и никто не осмелился выйти, говоря:- Кто же может выступить против Манаса, кроме отчаявшегося в жизни человека? Услышав это, Конурбай разъярился донельзя. Если действительно выйдет Манас, то я выступлю против него сам, - решил он и начал спешно готовиться к бою. Во-первых, я вчера не мог выйти на борьбу; во-вторых, давно я затаил на него обиду. Конурбай нацепил на себя все свои доспехи и ждал начала состязания. Кошой, узнав о приготовлениях Конурбая, пришел за советом к Манасу:- Конурбай и вчера был очень раздосадован, уж давно затаил он обиду на нас. Поэтому он снаряжается сам. Придется теперь выходить или мне, иссохшему старику, или тебе, мой Канкор. Больше никому! Сдается мне, что собирается Конурбай навлечь на киргизов большое несчастье.- Выбери мне крепкого и стойкого коня, и приготовь меня к бою, - сказал на это славный эр Манас. Кошой приказал тогда собрать всех коней, на который Манас указал, как на годных для боя; из множества выбрали самого лучшего коня, и Манас вскочил на него. Весь народ пожелал ему удачи. Наблюдателями с его стороны были Бакай и Тёштюк. Манас и Конурбай два раза столкнулись. Когда их пики скрещивались, то могучие кони от силы толчков садились на задние ноги, как слабые щенки. Тогда борцы бросили пики и начали колоть друг друга клинками. Наблюдатели с обеих сторон, видя это, заявили:- Так не годится, по уговору можно биться только на пиках, - и развели бойцов. Когда бойцы встретились в третий раз, Конурбай ударил своей пикой первым, и Манас чуть не упал с лошади. Нога его выскочила из стремени, и он откачнулся на круп коня. Но, собрав всю свою силу, он мгновенно оправился и вдруг заметил, что у Конура на затылке есть неприкрытая доспехами щель. Он сейчас же нацелился и ударил туда. Китайский батыр упал с коня, а Манас с громким победным кличем прибыл к своему народу. Глашатаи возвестили:- Объявляется состязание в сбрасывании с коня. Из киргизов пусть никто не выходит. Состязаться будут народы, пришедшие с Востока, с народами, пришедшими с Запада. Победителю назначается девяносто голов рогатого скота и пятьдесят штук овец. От китайцев вышел Шан великан, от народов Запада - Чинончук. Оба оказались равными по силе, шестьдесят раз они встречались, шестьдесят раз схватывались, но никто из них не мог свалить другого. Когда день начал угасать и наступил вечер, бойцов решили развести, и послали для этого китайца Кенена-старика и киргиза Акбая. Старик Кенен хотел остановить Шана, но в этот момент Чинончук сделал прыжок вперед и сбил Шана с коня.

Калмыки и китайцы оказались побежденными, затаив в себе горькое чувство обиды. Приближалось время возвращения коней, участвовавших в байге. Шесть дней двигались вперед скакуны, а назад возвращались два дня. В день их возвращения весь народ страшно волновался. Конурбай и Джолой, побежденные батырами из киргизов, решили отомстить. Конурбай собрал всех китайцев и калмыков и заявил:- Манас, Кошой, Тёштюк и другие объявили себя главарями киргизов. Вот такие поминальные аши они задают своим покойникам, и мощь их все время растет. Если так пойдет дальше, если мы

их не обуздаем, то они, пожалуй, захотят наложить свою руку и на великий Бейджин. Поэтому нужно истребить всех киргизов, уничтожить самое киргизское семя. Предлогом для начала резни пусть будет неурядица при возвращении коней. Все согласились со словами Конурбая. Сильнейшие сели на отборных коней, надели непроницаемые для пуль кольчуги и, подготовившись к схватке, выехали навстречу скакунам. Видя, что первым идет Аккула, Конурбай решил свалить его и с этой целью поскакал к нему, но это увидел Манас и с яростным криком: "Что ты замышляешь против моего коня?!" - сильно ударил Конура по затылку. Конурбай лишился чувств и чуть не слетел с коня. Тогда за Аккулой поскакал батыр Джолой, тоже желая его свалить, но ему преградил путь Алмамбет и столкнул его с лошади. Джолой вскочил на ноги и хотел выстрелить в Алмамбета, но это заметил Чубак и стукнул Джолоя по голове айбалтой. Испугавшись сорока чоро, Джолой ускакал и скрылся в толпе калмыков. Аккула пришел первым. Манас и Кошой по порядку вручили призы владельцам победителей - тулпаров. К вечеру, поделив все призы, Манас вернулся домой отдохнуть. Воспользовавшись этим, вооруженные китайцы и калмыки налетели на киргизских пастухов, отбили скот, полученный как приз, и угнали его к своим аилам. Узнав об этом, за ними двинулись Тёштюк с сорокатысячным и Бокмурун со стотысячным войском. Манас разгневался: -Что это за новости? Как это можно отдать приз Конурбаю и Джолою? Если смерть моя наступила, то умру, а призов не уступлю дерзким врагам. Он взял с собой четырехсоттысячное войско и тоже двинулся вслед. Китайцы и калмыки в это время бежали и достигли уже окрестностей Куль-джи. Там они успокоились, думая, что тут уж их киргизы не догонят. Беем встречным народам они хвастались:- Мы отняли у киргизов их призы на байге, мы сильно потрепали их самих и теперь с добычей и славой возвращаемся домой, в родные края. Они послали гонцов в свои аилы и приказали, чтобы там их ждали, чтобы наварили арака, закололи побольше поросят. Джолой тоже двинулся вперед. Не спеша, постоянно останавливаясь для отдыха и веселья, двигался китайско-калмыцкий стан, не опасаясь врага. И вдруг, на них, потерявших осторожность, налетело, как буря, войско Манаса. Всадники стали громить, топтать и рубить вражеское войско. Многие, боясь скачущей за ними смерти, которую несли клинки киргизских всадников, бросались в хмурые волны реки и погибали там. Алооке удалось скрыться с пятнадцатью тысячами. Конурбай, Мурадыл и Оронгу со стопятидесятитысячным войском выступил навстречу Манасу и предложил завершить бой поединком. На борьбу вышел Конурбай. Бокмурун не отходил от Кошойа, прося разрешить ему сразиться с Конуром. Кошой сердился, отвечая ему, что он молод, но уступив его настойчивости, он в конце концов дал ему разрешение. А Манас в это время думал про себя:- Кто кроме меня может выйти против Конура? - и спешно облакался в боевые одежды. Вдруг он увидел, что на майдан вышел юный Бокмурун. Сильно разгневался Манас на Бокмуруна за такое ребячество.- Пропал малый! - сокрушался он. Бойцы встретились. Гибкий и подвижный Бокмурун, сидя на своем игривом тулпаре, ловко увертывался от ударов грузного Калчи, и ему удалось даже несколько раз проткнуть Конура пикой. Изрядно раненый Конур принужден был ускакать с майдана к своим войскам. Бокмурун решил убить его и поскакал вслед за ним, но ему навстречу выехал балбан Нескара и сильным ударом переломил пикой Бокмуруна. Видя это, Манас кликнул клич к всеобщей схватке, и киргизские всадники с грозным гиканьем помчались на врага. Китайцев они рубили, не жалея. Конурбай спасся бегством, а Нескара попал в их руки живым. Джолоя избили до потери сознания в его собственном жилище. Было захвачено восемьдесят тысяч калмыцких юрт. С огромной добычей Манас со своим войском вернулся домой.

Вопросы для размышления:

1. Толкование снов родителей Манаса?
2. Какие события происходили в политической жизни кыргызов до рождения Манаса?
3. Как звали боевого коня Манаса?
4. Почему Джакып отдал своего сына пастуху?
5. Первые сражения Манаса
6. В каком возрасте Манас стал ханом?
7. Поддерживали ли сподвижники Манаса о его решении переехать в Среднюю Азию?
8. Кем приходится Каныкей к Манасу?
9. Как описывается красота и мудрость Каныкея?
10. Завещание Кёкётёя?
11. В чем смысл завещания Кёкётёя?
12. В чем противоречие Манаса и Джакыпа?
13. Символы и знаки, которые сопровождалась до и при рождении Манаса?
14. В чем смысл жизни в эпосе «Манас»?

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

Публикуется по изданию: МАНАС: Киргизский героический эпос. По вариантам Сагымбая Орозбак уулу и Саякбая Каралаева /Сост. З. Бектенов, К. Нанаев/ - Бишкек, 1999. - 432 с. Вариант трилогии эпоса «Манас» в прозе, составленный литературоведами Зияшом Бектеновым и Касымкулом Нанаевым и подготовленный в 1948 г. на основе сказаний Сагымбая и Саякбая. Перевод на русский язык: А. Валитова, А. Сапожникова, Б. Кошбаева, З. Мамытбеков Под редакцией чл. корр. Акад. наук СССР, профессора В. М. Жирмунского и кандидата филологических наук Г. А. Самарина.